

Шиловцев Андрей Владимирович

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры общей и экономической истории
Уральского государственного
экономического университета

**ПРОБЛЕМА СУЩЕГО И ДОЛЖНОГО
В МОРФОЛОГИИ ФЕНОМЕНА
«СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ЛИЧНОСТИ»**

Аннотация:

В статье раскрывается смысл социальной безопасности личности через принцип гармоничного существования в контексте ее структурной морфологии. Именно он свидетельствует о равновесии идеального и наличного бытия, сущего и должного, о присутствии у личности воли к совершенству. Социальной основой безопасности индивида являются определенные образцы и стереотипы поведения, которые формируются и закрепляются на практике посредством перевода природных инстинктов и физиологических потребностей в определенные продукты сознания. Соотнесение наличного и идеального бытия, сущего и должного создает для личности критерии собственной безопасности.

Ключевые слова:

индивидуальность, инстинкт самосохранения, коммуникация, личность, мотивация, социальная потребность, структура социальной безопасности, человеческая деятельность, моральные нормы, нравственность.

Shilovtsev Andrey Vladimirovich

PhD in History,
Assistant Professor, General
and Economic History Department,
Ural State Economic University

**THE PROBLEM OF EXISTENCE
AND DUTY IN MORPHOLOGY OF
THE PERSONAL SOCIAL SAFETY
PHENOMENON**

Summary:

The article deals with personal social security in the context of its structural morphology from the perspective of well-balanced life. The social security indicates the balance of ideal and actual, existence and duty, and human aspiration for perfection. The social basis of the personal security is definite patterns and stereotypes of behaviour, which are shaped and fixed by conversion of instincts and physiological needs into the certain products of awareness. Correlation of actual and ideal being, existence and duty create personal criteria of one's own safety.

Keywords:

individuality, instinct of self-preservation, communication, personality, motivation, social need, structure of social security, human activity, moral norms, morality.

В условиях решения задач модернизации и в связи с необходимостью выхода из имеющихся кризисных ситуаций в российском государстве и обществе проблема социальной безопасности личности с недавнего времени стала привлекать активное внимание научного и политического сообщества. Вместе с тем – что вполне правомерно и оправдано – этот вопрос признан одним из центральных в реализации стратегии национальной безопасности страны.

Социальная безопасность личности может быть представлена как диалектическое единство «вещи в себе», то есть понимания смысла такой безопасности самим человеком, и «вещи в ее инобытии», то есть реальной ситуации, в которой оказывается индивид и которая содержит угрозы, формирующиеся в окружающей социальной среде, как бы извне. «Внутренняя» и «внешняя» модальности социальной безопасности соотносятся между собой как субъективная и объективная ее формы. Значение, которое личность придает внешним и внутренним объективно существующим и субъективно определяемым рискам и угрозам, – это субъективная сторона социальной безопасности. Последствия, которые такие угрозы наносят социальным потребностям личности – это объективная сторона рассматриваемого феномена.

Структура социальной безопасности охватывает внутренний мир личности, ее собственное «Я» и внешний мир, выступающий в форме природной и социальной среды, который окружает человека.

Индивидуальность, соприкасаясь с окружающим личность внешним миром, проецирует его на внутренний мир посредством общения и коммуникации. Логическим итогом этого процесса выступает солидарность, которая проявляет себя не только в адаптации (приспособлении индивида к условиям внешнего мира) или социализации (конструктивное взаимодействие с ним), но и в духовном единении людей посредством выработки общих ценностей и их институционализации, перевода в нормы морали и права. Структурирование феномена социальной безопасности личности в контексте перечисленных параметров (индивидуальность, общение, коммуникация, солидарность) и плоскостях внутреннего и внешнего миров, в которых находится человек, позволяет корректно определить аксиологическое поле, в котором происходит антропогенез.

В соответствии с основными направлениями человеческой деятельности структура социальной безопасности может быть представлена в следующей морфологии: политическая, экономическая, экологическая и культурная безопасность. Каждая из указанных форм внутренне ранжирована. Например, политическая безопасность может включать государственную, военную, информационную. В экономической сфере выделяются такие виды, как финансовая, продовольственная, промышленная. Экологический аспект состоит из безопасности атмосферы, гидросферы, литосферы. Наконец, культурная сфера представляется в формах духовной, технологической, правовой. Деятельностный подход дополняет антропологический, позволяя выделить и исследовать различные формы безопасности в контексте процесса ее формирования и развития, как в плоскости внешнего окружения личности, так и ее внутреннего мира. Социальная форма жизни и человеческой деятельности определяют социальный характер проблемы безопасности. В той степени, в которой индивид обретает свойства личности и превращается из сугубо природного существа в существо социальное, в той же степени безопасность перестает быть проблемой природной (психологической, физиологической и т.д.), впитывая характеристики общественного вопроса.

По мнению В.И. Плотникова, «Поскольку социальная система обладает самодвижением, не теряя ни генетической, ни функциональной связи с биологической формой бытия, постольку их общая основа может быть понята диалектически как снятие низшего высшим» [1]. Еще Гегель подчеркивал, что «снятое есть в то же время и сохраненное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено» [2]. Ссылаясь на эти рассуждения, В.И. Плотников утверждает, что такое «снятие» биологического социальным отнюдь не относится к глубокой истории. Эта проблема разворачивается и решается в настоящем. Аналогично рассуждает и В. Мерцалов – автор книги «Происхождение человека еще не завершено» [3]. Однако гегелевское «снятие», на которое часто ссылаются философы, по сути, есть *перевод* проблемы безопасности индивида из плоскости его природного бытия в решение проблемы социальной безопасности личности. Оно чем-то напоминает подмену понятий, когда невозможность окончательного определения заставляет формулировать новые термины. В данном случае невозможность полного определения проблемы безопасности личности в рамках ее природного бытия и перевод (*подстраивание*) в его плоскость социального задают совершенно иные планку и ранг. Становится понятным, что «не хлебом едиными жив человек», и что его безопасность определяют не только природные, но и социальные, и даже духовные аспекты, а значит, требуется определение тех институциональных оснований и ценностей, которые, превратившись в нормы, позволят решать эту проблему на новом уровне. Тем самым обозначается категория принципов, всеобщих нравственных норм, которые при условии практической реализации составляют подлинное содержание социальной безопасности личности.

Формирование принципов социальной ответственности связано с переходом от природного представления о безопасности индивида к действительно социальной ее предметности. Это предполагает трансформацию соответствующих инстинктов индивида в мировоззренческие принципы.

Речь идет об инстинктах самосохранения, экономии энергии, свободы, познавательном и социальном инстинктах, которые свойственны человеку как природному существу. Рассматривая их как результат активации в человеческом организме различных потребностей, А.В. Григорьев справедливо различает врожденные и приобретенные, простые и сложные. Он, в частности, считает, что инстинкт познания вместе с самосохранением или экономией энергии в какой-то момент эволюции человеческого организма могут оказаться доминирующими над всеми иными [4]. Так, если говорить об инстинкте самосохранения, то «реализация базовой реакции самосохранения и проявление страха способствуют тому, что в головном мозге преимущественно регистрируются и фиксируются образы, отражающие такие свойства объектов и явлений, действий организмов, которые создают опасности нанесения ущерба и угрозы для существования организма и ограничивают тем самым удовлетворение его потребностей. Создаваемые из образов ассоциации памяти связываются с потребностью самосохранения» [5]. Аналогично обстоит дело с инстинктом экономии энергии, который также «обслуживает» решение проблемы безопасности индивида. Давая анализ возникновения и действия социального инстинкта и социальной потребности, он отмечает: «Формированию социальной потребности после рождения организма способствуют ассоциации памяти, возникающие после реализации врожденных, а затем и приобретенных реакций и удовлетворения потребностей. <...> Активация этих ассоциаций памяти в большом количестве случаев, связанных с положительными эмоциями, ведет к активации потребностей в общении и контактах. Постоянная совместная активация обуславливает их соединение в сложную социальную потребность. Соединение завершается в тот период существования организма, когда он способен издавать и воспринимать упорядоченные совокупности звуков – речь» [6].

В самом деле, любой живой организм решает проблему собственной безопасности на основе социального инстинкта и потребности в общении и контактах посредством обмена сигналами упорядоченных звуков. Но это – природное основание безопасности. Ее социальной основой являются все-таки определенные образцы, стереотипы поведения, которые формируются и закрепляются на практике посредством перевода природных инстинктов и физиологических по-

требностей в определенные продукты сознания, которыми выступают принципы, всеобщие нормы и установки, мотивирующиеся эндогенно и экзогенно. «Мотивация организма к экономии своей энергии направляет его поступки на использование свойств и действий других организмов для удовлетворения своих потребностей» [7]. Тем самым социальный инстинкт способствует появлению устойчивой связи между индивидами, которая вначале может быть односторонней, но затем неизбежно приобретает двусторонний характер, превращается во взаимный обмен (например, информацией или результатами собственной деятельности). В результате складываются уже не биологические, а социальные связи, отношения, в рамках которых дальнейшее безопасное развитие индивидов требует выработки неких общих правил (норм) поведения и разработки взаимно приемлемых способов их реализации. Это в полной мере относится к инстинкту свободы.

«Чем интенсивнее сформированный в организме инстинкт свободы, тем шире его структура способов» [8], но связанный со степенью интенсивности инстинкта свободы диапазон способов его реализации (то есть удовлетворения социальной потребности в свободе) предполагает некие регулирующие рамки, которые не позволяют отдельным индивидам использовать запрещенные способы. К числу последних относятся, как правило, те, которые ограничивают свободу других или вообще мешают ее реализации для всех. Как точно подметил Н.Ф. Федоров, «жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех» [9]. Для этого требуется нравственность, моральные нормы, принципы. Помимо этого, необходимо и определенное искусство для их актуализации. «Полная добродетель состоит в соединении нравственности со знанием и искусством. Такая добродетель не делает человека только достойным счастья; она дает его; она есть не только благо или добро, но и само блаженство» [10]. В такой метафоричной и «пассионарной» формулировке русского философа отражается высший смысл социальной безопасности личности – принцип гармоничного существования (счастья). Он свидетельствует о равновесии идеального и наличного бытия, сущего и должного, о присутствии у личности воли к совершенству, то есть способности переводить должное в сущее, «жить со всеми и для всех».

В научной литературе социальную безопасность личности нередко связывают с ее защищенностью или незащищенностью от возможных угроз, опасностей, рисков и неопределенности. Например, по мнению А.Г. Ганжина «Трансформант – это личность, выбитая процессом социальной модернизации из прежней колеи, не находящая прямого жизненного пути, лишенная, вследствие этого, постоянных ценностных ориентаций и устойчивого мировоззрения, необходимого для выстраивания стратегии жизни, то есть осуществления на практике безопасности, здоровья и благосостояния» [11]. Ряд авторов обращают внимание на то, что в условиях глобализации феномен социальной безопасности личности существенно трансформируется [12]. Но как бы его ни трактовали, как бы ни связывали его с социальными конфликтами и незащищенностью в условиях «цивилизационных разломов» или с упадком культуры, главным элементом этой категории должно являться наличие или отсутствие действенных мировоззренческих принципов. Без их актуализации социальная безопасность, выражаясь математическим языком, «стремится к нулю».

Можно сколько угодно рассуждать о запланированном хаосе и рассматривать его в системе социального менеджмента как поддающуюся упорядочению реальность, но вне действенных мировоззренческих установок и без их актуализации социальная безопасность личности становится беспредметной, а потому эфемерной и недостижимой. Без таких принципов вряд ли можно рассуждать о культурной и цивилизационной идентичности, а соответственно и о самой безопасности. Собственно, соотнесение наличного и идеального бытия, сущего и должного создает для личности критерии собственной безопасности, которые она называет идеалами. Будучи оформленные в моральные нормы, в мировоззренческие принципы – это максимы культуры. Поэтому социальная безопасность человека не может существовать вне ценностного культурного поля.

Ссылки:

1. Плотников В.И. Социально-биологическая проблема: мат-лы спецкурса. Свердловск, 1975. С. 188.
2. Гегель Г.Ф.В. Наука логики. М., 1970. Т. 1. С. 168.
3. Мерцалов В. Логика антропогенеза. Происхождение человека еще не завершено. СПб., 2008. С. 46.
4. Григорьев А.В. Антропология: от организмов к техносфере. М., 2009. С. 133.
5. Там же. С. 138–139.
6. Там же. С. 160.
7. Там же. С. 163.
8. Там же. С. 171.
9. Федоров Н.Ф. Философия общего дела // Соч. М., 1982. С. 89–90, 166.
10. Там же. С. 165.
11. Ганжин А.Г. Ментальные недуги трансформанта // Экология человека. 1994. № 2.
12. См.: Левашов В.К. Глобализация и социальная безопасность // Социологические исследования. 2002. № 3; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003; Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М., 1999 и другие.

References:

1. Plotnikov, VI 1975, *Socio-biological problem: materials were special course*, Sverdlovsk, p. 188.
2. Hegel, GFV 1970, *Science of Logic*, Moscow, vol. 1, p. 168.
3. Mertsalov, V 2008, *Logic anthropogenes. Origin of man is not finished yet.*, St. Petersburg, p. 46.
4. Grigoriev, AV 2009, *Anthropology: from organisms to the technosphere*, Moscow, p. 133.
5. Grigoriev, AV 2009, *Anthropology: from organisms to the technosphere*, Moscow, pp. 138-139.
6. Grigoriev, AV 2009, *Anthropology: from organisms to the technosphere*, Moscow, p 160.
7. Grigoriev, AV 2009, *Anthropology: from organisms to the technosphere*, Moscow, p 163.
8. Grigoriev, AV 2009, *Anthropology: from organisms to the technosphere*, Moscow, p 171.
9. Fyodorov, NF 1982, 'The philosophy of the common cause', *Vol*, Moscow, pp. 89-90, 166.
10. Fyodorov, NF 1982, 'The philosophy of the common cause', *Vol*, Moscow, p. 165.
11. Ganzhin, AG 1994, 'Mental illnesses transformant', *Human Ecology*, no. 2.
12. See: Levashov, VK 2002, 'Globalization and social security', *Case Studies*, no. 3; Huntington, S 2003, *The Clash of Civilizations*, Moscow; Yanovsky, RG 1999, *Global changes and social security*, Moscow.